

Сильвио

Центральный персонаж повести А.С. Пушкина «Выстрел», тридцатипятилетний офицер-дуэлянт, одержимый идеей мести. История о нем поведана И.П. Белкину неким полковником И. Л. П., в инициалах которого легко прочитывается намек на знаменитого бретера той поры И.П. Липранди; повествование ведется от лица И. Л. П. Полковник-рассказчик, в свою очередь, сначала описывает свое давнее личное впечатление от героя, затем пересказывает эпизод, поведенный ему графом Р***. Так что образ Сильвио последовательно отражен в самых разных зеркалах, как бы пропущен сквозь сложную систему несовпадающих точек зрения — и при этом ничуть не меняется. Неизменность героя резко подчеркнута, — точно так же, как подчеркнуто его стремление казаться двойственным, странным.

Читатель впервые видит Сильвио глазами юного офицера (будущего «полковника И. Л. П.») в местечке ***, где Сильвио живет в отставке, привлекая окружающих своей загадочностью. Сильвио — русский, хотя и носит иностранное имя («Сильвио» — звуковой аналог «настоящего» имени, подобранный рассказчиком). Он живет одновременно и бедно, и расточительно. В мазанке (!) он держит собрание пистолетов; стреляет в стены; необычайно меток; а главное — угрюм и горд. Но стоит новому офицеру повздорить с Сильвио из-за карт, как тот, вопреки угрюмости и гордости, довольствуется формальными извинениями — и не вызывает обидчика на дуэль. И только в конце первой части рассказчик (а через него читатель) узнает о причине такой неожиданной «робости»; это и становится финалом экспозиции и завязкой сюжета. Сильвио считает нужным перед прощанием объяснить; оказывается, он «не имеет права» подвергать себя риску смерти, пока не довершит дуэль шестилетней давности, во время которой его обидчик, граф Р***, слишком равнодушно отнесся к возможной гибели от пули Сильвио. Фуражка Сильвио была прострелена на вершок ото лба; свой выстрел он оставил за собой (мотив «отсроченного выстрела» содержится в повести А.А. Бестужева (Марлинского) «Вечер на бивуаке», эпиграф из которой предпослан пушкинско-белкинской новелле), чтобы найти графа в минуту наивысшего торжества — и отомстить знатному счастливцу.

Эти слова вводят в сюжет неявный мотив социальной зависти «романического» героя к «счастливцу праздному» (тот же мотив будет развит в «Пиковой даме» и «Медном всаднике»). Вводят — и лишают героя таинственного ореола. Впервые «байроническое» описание облика Сильвио («мрачная бледность, сверкающие глаза и густой дым, выходящий изо рта, придавали ему вид настоящего дьявола») начинает смахивать на пародию; впервые за сложной «поведенческой маской» приоткрывается пошлая однозначность душевного облика.

И далее образ сверкающие будет тем более упрощаться, чем более замысловатыми и даже изощренными будут его поступки и жесты. Разыскав графа Р*** в имении, куда тот уехал на медовый месяц, дуэлянт внезапно является в кабинет молодожена — и, насладившись эффектом, «благородно» предлагает еще раз бросить жребий, — чтобы все не походило на убийство. Но показное благородство его жеста тут же оттенено подлостью; Сильвио вновь, как в случае с карточной игрой, нарушает неписанный кодекс дворянской чести; он продолжает целиться в графа при женщине, его молодой жене. И то, что в конце концов он стреляет в картину (пуля в пулю), а не в счастливого графа, — ничего не меняет. Ибо за осуществление своего «романического» (а Сильвио любитель романов) замысла он уже заплатил бесчестьем.

Сюжет, задуманный Сильвио, развязан; сюжет самой жизни продолжается (ибо всегда открыт, незавершен). Но в нем для Сильвио уже нет места; отомстив, тот лишился

своей единственной цели — и, по слухам, гибнет в «романтической» битве греков-этеристов за независимость, чтобы быть похороненным на кладбище под Скулянами. (Подобно пушкинскому лицейскому сокурснику Броглио, чья внешность и чье имя подозрительно близки герою «Выстрела».) Причем под Скулянами турки и греки-этеристы (а также их добровольные сторонники вроде Сильвио) должны были биться врукопашную, иначе пули и снаряды попадали бы в русский карантин на противоположном берегу реки Прут; так что стрелок Сильвио погиб не от выстрела — и не от выстрелов погибли его последние враги. Пуля, которую он всадил в идиллическую «швейцарскую» картину, оказалась «метафизически последней». А счастье «незаслуженного» счастливица, баловня судьбы графа Р*** — продолжается, хотя бы и омраченное произошедшим.